

18+

КРИСТИАН
ДЕЛЬПОРТ

РЕПОРТАЖИ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР

САМЫЕ
ИЗВЕСТНЫЕ
СОБЫТИЯ
ГЛАЗАМИ
ЖЕНЩИН-
РЕПОРТЕРОВ

Кристиан Дельпорт
Репортажи, которые потрясли мир. Самые известные события глазами женщин-репортеров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73059133

Репортажи, которые потрясли мир. Самые известные события глазами женщин-репортеров: КоЛибри, Издательство АЗБУКА; М., 2025

ISBN 978-5-389-31647-8

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Нелли Блай, Марта Геллхорн, Ориана Фаллачи, Элизабет Сови, известная как Титаина, Анна Политковская – все они внесли вклад в журналистику. Эти женщины были пионерами жанра и продолжали уже существующие принципы, меняли традиции повествования и по-новому смотрели на вооруженные конфликты. Может ли женщина быть одновременно репортером и супругой? Журналисткой и матерью? Может ли объездить весь мир, рискуя собственной жизнью в горячих точках так, как

это делают мужчины? В XIX веке Нелли Блай смело проникла в ранее закрытые для женщин области с помощью уловок и тайных расследований. В 1917 году Луиза Брайант обедает с большевиками, видится с Троцким и становится свидетельницей революции. Эти события лягут в основу ее книги «Шесть красных месяцев в России». Франсуаза Демюльдер приезжает в Ливан в разгар гражданской войны – ей суждено стать единственным фотографом, который застанет жестокую резню в Карантине. Ориана Фаллачи в 1979 году берет интервью у лидера Иранской революции аятоллы Хомейни и снимает перед ним чадру, а журналистка Кейт Эди пробивается сквозь толпу у площади Тяньаньмэнь, когда по демонстрантам открывают огонь.

Профессор истории Кристиан Дельпорт прослеживает историю журналистики с XIX века до наших дней, от Первой мировой войны до конфликтов на Ближнем Востоке и во Вьетнаме, рассказывая о поразительных женщинах-репортерах, которые изменили наше видение мира.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	6
1	17
2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Кристиан Дельпорт
Репортажи, которые
потрясли мир. Самые
известные события глазами
женщин-репортеров**

Christian Delporte

FEMMES REPORTERS

L'Histoire du grand reportage par les pionnières du genre

© Armand Colin 2024, Malakoff ARMAND COLIN is a trademark of DUNOD Editeur – 11, rue Paul Bert – 92240 MALAKOFF

© Кравченко Ю.С., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри®

Введение

Тревога! Женщины идут – и есть от чего беспокоиться. До сих пор они довольствовались светскими новостями и статьями о моде, но теперь они намереваются писать репортажи! Мятежная волна охватила многих журналистов-мужчин еще в начале 1890-х годов. «Скоро, если не встретим этот натиск, нам останется только подметать редакции!» – Один из них, прикрывшись анонимностью, пишет 9 августа 1893 года в *La Petite Gironde*. Причина паники? «Репортер в юбке пройдет везде», – утверждает он. Ее оружие – обаяние. «Снисходительные начальники будут вызывать ее к себе в кабинет и с мечтательной улыбкой делать откровения, заканчивающиеся признаниями на коленях».

Правда, эта тревога пока не особенно касается Франции. Согласно исследованию, опубликованному в *Revue de revues* в феврале 1893 года, во всей французской прессе насчитывается 237 женщин пишущих, из которых по меньшей мере 230 – только о моде. Нет, настоящая «угроза» исходила из США. А раз уж все американское рано или поздно пересекает Атлантику, основания для страха есть. Подумать только: в США таких женщин – уже тысяча! И они давно вышли за рамки «женских страниц». А в Великобритании? Там их – шестьсот, а то и семьсот, и число растет с каждым днем.

Была по крайней мере одна женщина, которую забавля-

ла паника, охватившая журналистов-мужчин. Это ирландка Эмили Кроуфорд – блестящая репортерша, хорошо знакомая и с Францией, и с ремеслом репортажа. Вместе с мужем, Джорджем, она освещала Франко-прусскую войну 1870 года для Daily News, брала интервью у коммунаров, присутствовала на парламентских заседаниях в Версале. 25 мая 1871 года она стала единственным журналистом – вне зависимости от пола, – который был допущен на заседание, где Тьер заявил о поражении Парижской коммуны. Именно она первой сообщила эту новость в Лондоне. В статье, опубликованной в 1893 году для The Contemporary Review, Кроуфорд рассуждает: «Почему же Франция отстала от США и Англии в деле допуска женщин в журналистику?» Причина, как она утверждает, в двух национальных бедствиях: «чума галантности» и «узость взглядов, культивируемая в приличных кругах по поводу того, какую роль женщина должна играть в обществе». И все это, по ее мнению, вопиюще нелепо. Потому что, как она без ложной скромности заявляет, женщины пишут лучше мужчин. Они наделены особым даром – «вдыхать жизнь в каждую строчку», потому что умеют видеть и передавать человеческую глубину. И именно это делает их тексты живыми, проникновенными и настоящими.

Действительно, англосаксонские журналистки – особенно американки – первыми получают доступ к большому репортажу, как мы еще увидим дальше. Во Франции же путь женщин к этой профессии оставался куда более тернистым – да-

же несмотря на появление в 1897 году уникального явления: ежедневной газеты La Fronde, полностью созданной женщинами и для женщин. Это издание, основанное Маргерит Дюран, открыто заявляло о своих правах – в том числе о праве женщины быть репортером, работать наравне с мужчинами, а не только писать о моде или семье. Но для большинства других редакций по всей Франции сама идея – отправить женщину в репортаж, пусть даже всего на пару улиц от офиса, – казалась вопиюще немыслимой.

Если репортаж и появлялся в газетах прежде, то по-настоящему он укрепил свои позиции лишь в 1880–1890-х годах – вместе с бурным расцветом массовой ежедневной прессы. Именно тогда он оказался в авангарде «новой журналистики». До тех пор в центре газетного мира был кабинетный автор: он писал из-за стола, опираясь на слухи, заявления, заметки. Но ему на смену пришел репортер – и стал новым героем профессии. Его главное отличие – работа на месте событий. Он собирает факты с первоисточника, наблюдает от лица читателя, ведет расследование, задает неудобные вопросы, раскрывает скрытое, порой рискует собственной безопасностью – и в итоге создает живой, насыщенный, правдивый текст, построенный одновременно на фактах и личном опыте. Чтобы написать выдающийся репортаж, не обязательно уезжать на другой конец света. Но настоящий репортер располагает двумя бесценными ресурсами, которых не хватает большинству коллег: временем, необходимым для

глубокого погружения и расследования, и свободой, позволяющей действовать вне повседневной редакционной иерархии, отчитываясь лишь перед тем, кто доверил ему задание – главным редактором. Именно поэтому репортеры очень быстро стали аристократией журналистики. Им завидовали – не в последнюю очередь потому, что им платили больше. Но еще больше – восхищались. Особенно их качествами, которые в ту эпоху считались «мужскими»: жесткий характер, уверенность, сила, храбрость, готовность к риску, энергия – моральная, умственная и физическая.

Именно с этим маскулинным идеалом столкнулись женщины в конце XIX века. Их считали по природе слишком эмоциональными, беспечными, ранимыми и физически слабыми для того, чтобы справляться со сложными и порой опасными ситуациями, сопровождающими журналистские расследования. Если есть герои, значит, не может быть героинь. К тому же кто станет опорой семьи, кто будет растить детей, кто сошьет пеленки, если женщины начнут покидать домашний очаг на недели, а то и месяцы?

Этот исторический фон задает направление рассуждений в книге. Я стремлюсь показать, что женщины участвовали на всех этапах становления и трансформации журналистского расследования, несмотря на то, что до недавнего времени им приходилось вести непрерывную – и, казалось бы, обреченную – борьбу за право на место в профессии, традиционно воспринимаемой как сугубо мужская, сродни охоте. Именно

поэтому важно было провести исследование в долгосрочной перспективе и придать ему международный масштаб. Одна из ключевых особенностей книги – обращение к примерам журналисток из разных стран, что позволяет выстроить глобальную историю женской эмансипации через жанр репортажа. На ее страницах представлены женщины почти из тридцати стран всех континентов – порой известные, но чаще незаслуженно забытые.

Книга не претендует на исчерпывающую полноту. Речь здесь идет не о создании галереи портретов и не о составлении списка «лучших из лучших». Пришлось сделать выбор – остановиться на наиболее показательных историях, на тех моментах, которые вдохновляют и заставляют задуматься. Возможно, кто-то из читателей посетует, что определенные имена не упомянуты. Но главная цель книги – помочь понять, чем была жизнь женщины-репортера начиная с XIX века, и показать, что именно через отдельные судьбы можно сложить подлинно коллективную историю.

Мы проследуем за этими женщинами к местам событий, будем сопровождать их в процессе сбора информации и наблюдать за закулисным журналистским расследованием – часто напряженным, полным конфликтов с мужчинами, выступающими как коллегами, так и соперниками. Особое внимание уделяется тем препятствиям, с которыми сталкивались репортеры, и стратегиям, которые они разрабатывали для их преодоления. Мы также увидим, что, вопреки устоявшему-

ся мнению, быть женщиной на месте событий порой – если не чаще всего – оказывается не помехой, а преимуществом. Один из главных вопросов, поднятых в книге: влияет ли гендер на самую суть репортерской работы? Например, действительно ли женщины более уязвимы перед лицом опасности? Отличается ли их подход к репортажу от мужского? Можно ли распознать в их текстах так называемую «женскую руку»? Но важно помнить: «женщины-репортеры» – это прежде всего женщины, на которых общество проецирует определенные ожидания и роли, продиктованные гендерными стереотипами. В течение всего исследуемого периода – от XIX века до наших дней – звучат вопросы, которые волнуют и общество, и самих журналисток: может ли женщина быть одновременно репортером и супругой? Матерью? Может ли она объездить мир, рискуя жизнью в горячих точках, так же, как это делает мужчина?

Осталось два вопроса. Первый: кого мы называем «настоящим репортером»¹? Стоит только произнести эти слова – и воображение сразу рисует образ мужчины или женщины в защитном жилете на фоне военных действий. Телевидение при этом вытесняет печатные и радиосредства массовой информации. Безусловно, категория военных репортеров – как в печатной и аудиовизуальной прессе, так и в фоторепортаже

¹ Так как в русском языке нет терминов, полностью соответствующих французским “grand reporter” и “grand reportage”, перевод меняется в зависимости от контекста.

– занимает важное место в этой книге. Примечательно, что по крайней мере до середины XX века о «военных корреспондентках» говорили чаще и с бóльшим интересом. Кроме того, к этой группе можно отнести и «специальных корреспонденток», работавших в зонах вооруженных конфликтов.

Но существуют и другие жанры репортажа, связь которых с «горячими» новостями гораздо менее очевидна. То же касается и журналистских расследований, предполагающих не только работу на месте событий, но и тщательный сбор информации, а главное – время, необходимое для глубокого анализа. Такие материалы нередко становятся результатом личной инициативы журналиста или журналистки. Сюда же относятся и репортажи этнографического характера – о путешествиях и экспедициях в дальние страны. Этот жанр все еще существует, но в книге он рассматривается преимущественно в период его расцвета – до конца 1930-х годов. В то же время, в силу ограниченного объема, в стороне остаются другие категории репортажа, например местная хроника или спортивная журналистика.

Такой выбор позволяет обратить внимание на неоднозначность самого термина «настоящий репортер». Его значение менялось в разные эпохи, варьировалось от страны к стране и нередко носило скорее почетный, чем строго профессиональный характер. В некоторых случаях, как, например, во Франции, это звание сопровождалось не только при-

знанием, но и дополнительными выплатами. Звание репортера становилось своего рода венцом карьеры, свидетельством высокого уровня мастерства и заслуженного авторитета, приобретенного годами упорного труда. Одним словом, великим репортером не становятся сразу – им становятся со временем.

Второй вопрос еще более деликатный: как называть женщину, занимающуюся большим репортажем? Эта дилемма не давала мне покоя в процессе подготовки книги. Попробуем подвести итог. Заимствованное из английского языка и прочно закрепившееся в медийной среде слово «репортер» изначально не подразумевает ни мужской, ни женский род. Согласно распространенной версии, первым это слово употребил Стендаль в «Прогулках по Риму» (*Promenades dans Rome*), говоря об «английских газетных репортерах» *The Times* и *The Morning Chronicle*. Уже в следующем году издание *Revue britannique*² попыталось использовать термин, переделав его на французский лад³, но в итоге пресса отдала предпочтение англицизму. В 1932 году новое издание «Словаря Французской академии» (*Dictionnaire de l'Académie française*) официально утвердило это слово в лексиконе: «Репортер. (Произносится: “репортер”.) Существительное мужского рода, журналист, освещающий события, – в Англии, а затем, по подражанию, во Франции». Любопыт-

² Британский обзор (*фр.*).

³ Английский вариант – *reporter*, французский – *reporteur*.

но, что только в Квебеке прижилась «офранцузенная» форма. Что касается слова «настоящий» в выражении «настоящий репортер» – неясно, к чему оно именно относится: к самому репортажу или к его автору? И если к автору – то предполагает ли это существование «ненастоящих»?

Перейдем к феминитивам. В 1886 году по образцу «докторессы» (*doctoresse*) появилась форма «репортересса» (*reporteresse*), зафиксированная, в частности, в газете *Cri du peuple*, которую после смерти Валлеса редактировала Каролина Реми, известная под псевдонимом Северин. Этот термин, символизирующий борьбу за равноправие, был принят феминистской прессой, в частности изданием *La Fronde*. Другие издания относились к нему без энтузиазма, иногда используя в кавычках с пренебрежением. Термин исчез к началу Первой мировой войны. Со временем на род существительного стали указывать только артикли – мужской или женский.

В Квебеке термин «репортер» (*reporteur*) породил форму «репортриса» (*reportrice*). В 1999 году Национальный институт французского языка (*Institut national de la langue française*), действуя под эгидой премьер-министра Лионеля Жоспена, рекомендовал использовать «репортер» (*reporter*, *reporteur* – равноправные варианты) о мужчинах, «репортриса» (*reportrice*) о женщинах. То же правило касалось слов «сторонник» и «сторонница». Французская академия признала эти варианты, отметив, что англичане заимствова-

ли слово «репортер» из старофранцузского языка. В июле 2011 года издание *Le Monde* ввело еще одну женскую форму – «reporteuse», – чтобы описать журналистку израильской газеты *Haaretz*. Однако на этом история этого слова закончилась.

В языке важно различать правила и практику. Поэтому я решил использовать самоназвание интересующей меня стороны. Это довольно показательно. Рассмотрим несколько примеров из печати. В 2001 году Катрин Жантиль, появившаяся на четвертой обложке *Tête brûlée*⁴, была представлена как «специальный репортер [телеканала] TF1⁵». В 2009 году Флоранс Обена опубликовала автобиографический доклад под названием «Специальный репортер» (*Grand reporter*). Позже, в 2018 году, книга Лоры-Май Гаврьё «Грязные войны» (*Sales guerres*) получила подзаголовок: «От препода философии до специального репортера» (*De prof de philo à grand reporter*). В следующем году Патрисия Алемоньер, Анн Баррье, Лизрон Будуль, Анн-Клер Кудре и Марин Жакмин стали героями обложки книги «Они рискуют жизнью» (*Elles risquent leur vie*) с подзаголовком «Свидетельства пяти военных репортеров-женщин» (*Cinq femmes reporters de guerre témoignent*); Анн Баррьер указана как «журналист-фоторепортер» (*journaliste reporter d'images*). Ситуация усложняется с двумя последними работами, появившимися в 2022 и

⁴ Горячая голова (*фр.*).

⁵ *Télévision française 1* (*фр.*) – Французское телевидение 1.

2023 годах соответственно. Анн Нива в книге «Континент позади Путина?» (*Un continent derrière Poutine?*) предстает как «независимая специальная репортерка» (*grande reporter indépendante*). Наконец четвертую часть обложки книги Патрисии Алемоньер «В сердце хаоса» (*Au coeur du chaos*) занимает надпись: «Специальная репортерка рассказывает дочери о войне» (*Une grande reporter raconte la guerre à sa fille*).

В конечном счете непонятно, нужно ли использовать феминитивы и какие именно. Не буду навязывать свое мнение, а прислушаюсь к повседневной речи и предпочтениям самих женщин. Поэтому скажу «великие женщины-репортеры»⁶. Впрочем, неопределенность грамматического рода хорошо согласуется с борьбой женщин за признание их равными мужчинам в большом репортаже. Таким образом, можно было бы признать, что своим упорством они «уничтожили грамматический род» в словосочетании «великий репортер», которое отныне больше не является ни мужским, ни женским, но обозначает журналистскую профессию, доступную как мужчинам, так и женщинам. А теперь предлагаю вам приступить к рассказу об этой борьбе, которая началась в момент появления большого репортажа.

⁶ В зависимости от контекста в переводе используется слово «репортер» как нейтральная форма, «репортерка» или «женщина-репортер», если нужно подчеркнуть, что речь идет о женщине

1

Нелли Блай – женщина, изменившая журналистику

Отлитое из серебряной бронзы лицо самой известной американской журналистки XIX века Нелли Блай гордо возвышается над островом Рузвельта в Нью-Йорке. Торжественно открытая в 2021 году монументальная работа Аманды Мэтьюз отражает важнейшие эпизоды из жизни Блай: она предстает репортеркой-расследовательницей, журналисткой, побившей рекорд кругосветного путешествия, защитницей прав женщин и, наконец, изобретательницей. Выбор места для памятника не случаен. В 1885 году Блай провела в этой лечебнице расследование, притворившись сумасшедшей. Она раскрыла жестокие условия, в которых жили тысячи женщин. Эта история стала основой для ее знаменитого репортажа, который потряс общество и изменил систему здравоохранения.

Известная во всем мире еще при жизни, в XX веке Нелли Блай стала настоящей легендой американской массовой культуры. В 1946 году Бродвей выпустил мюзикл, посвященный ей. Театр, кино, реклама, игры и комиксы – все виды массового искусства признают ее вклад. В 2002 году почта США выпустила марку с ее изображением, а Нью-Йоркский

клуб прессы ежегодно вручает премию имени Нелли Блай лучшим репортерам среди начинающих журналисток.

Такое рвение может показаться чрезмерным, но, прочитав о ее жизни, вы увидите, как смело она бросала вызов социальным предрассудкам и какой вклад внесла в развитие большого репортажа своего времени во всех его аспектах, от расследования под прикрытием до повествования о приключениях в далеких странах и до военной корреспонденции.

Уроки детства

О детстве и юности Нелли Блай известно мало, за исключением того, что счастье и беззаботность первых дней ее жизни быстро обернулись драмой. Ее настоящее имя – Элизабет Джейн Кокран. Она родилась 5 мая 1864 года в небольшом поселении в Пенсильвании, недалеко от Питтсбурга. Ее отец купил там фабрику, на которой раньше работал, и приобрел землю для будущей семейной фермы. Он был женат дважды. От первой жены у него было десять детей и еще пятеро от Мэри, матери Элизабет. Семья Кокранов так и не приняла его второй брак, что в будущем не осталось без последствий.

До шести лет Элизабет, носившая прозвище Пинки (Pinkie), потому что мать все время одевала ее в розовое, была счастливым и избалованным ребенком. Но в 1870 году ее судьба резко изменилась. Внезапно умер ее отец. Он

не составил завещание, а в те времена женщины не имели права на наследство. Часть имущества, которая принадлежала Элизабет и ее четверым братьям, передали опекуну, который все промотал без зазрения совести. Мэри и ее дети не могли рассчитывать на поддержку семьи Кокранов, которая даже воспользовалась ситуацией, чтобы выселить их из семейного дома. Мэри оказалась без средств к существованию. Не столько по любви, сколько по необходимости она вскоре снова вышла замуж за Джона Форда, ветерана Гражданской войны в США. Пьяница и садист, он избивал ее. Благодаря свидетелям, подтвердившим домашнее насилие, она в конце концов получила развод.

Элизабет было 15 лет. Она любила писать и сочинять стихи. Ей претило будущее, которое все пророчили: работать на фабрике или прислужкой, возможно, гувернанткой, хранить домашний очаг, если получится, удачно выйти замуж. Нет, она хотела зарабатывать на жизнь преподаванием. Мать записала ее в педагогическую школу Индианы (Indiana Normal School), но через несколько месяцев больше не могла оплачивать обучение дочери. Тогда Мэри решила изменить свою жизнь и переехала с семьей в соседний крупный город, Питтсбург, где с помощью Элизабет управляла пансионом.

В 16 Элизабет еще не определилась с будущим, но драматические события помогли ей понять, кем она не хочет быть: женщиной, зависящей от мужчин и подчиняющейся патриархальным ограничениям, для которых ее жизнь ничего не

значила. Вскоре ей представился шанс проявить силу характера.

Так появилась Нелли Блай

Элизабет с жадностью читала местные газеты и в первую очередь Pittsburgh Dispatch. Однажды в 1885 году она наткнулась на колонку Молчаливого Наблюдателя (Quiet Observer – псевдоним писателя Эразмуса Уилсона), которая возмутила ее до глубины души. В тексте под названием «На что годятся девушки?» (À quoi sont bonnes les filles?) утверждалось, что женщины должны «оставаться дома, шить и заботиться о детях». Автор называл работающих женщин чудовищами. Разъяренная Элизабет тут же написала резкое письмо редактору газеты Джорджу Мэддену. Она описала мир, о котором автор колонки не имел ни малейшего представления. В этом мире «женщины вынуждены работать, чтобы выжить». Вместо саркастических замечаний она призвала: «Джентльмены, собирайте умных девушек, вытаскивайте их из грязи, помогайте им подняться по лестнице жизни. Вы будете щедро вознаграждены».

Впечатленный остроумным письмом, подписанным «Одинокая девушка-сирота», Мэдден опубликовал в газете объявление, в котором попросил автора прийти в его офис. Элизабет ответила на приглашение без колебаний. Она покинула офис Pittsburgh Dispatch с заданием написать статью.

Конечно, говорил себе Мэдден, она не знакома ни с грамматикой, ни с орфографией, но ее безграничная дерзость могла бы послужить газете; проверим-ка ее. Через несколько дней статья была готова. В тексте под заголовком «Загадка девушки» (The Girl Puzzle) главным образом осуждались катастрофические последствия, с которыми встречались женщины после развода, и звучал призыв к законодательной реформе, которая бы их защитила. Сидя напротив Мэддена, читавшего ее текст, Элизабет лихорадочно ждала вердикта. Когда он поднимает глаза, его улыбка говорит сама за себя – выгорело. Статья вышла в свет 25 января 1885 года, а Элизабет стала штатным журналистом по довольно ничтожной ставке пять долларов в неделю.

Мэдден, однако, отметил, что Элизабет не могла писать под своим настоящим именем без риска нанести ущерб семье. Ей обязательно нужно было придумать псевдоним. Тогда молодая женщина вспомнила популярную песню, написанную Стивенем Фостером в 1849 году, героиней которой была чернокожая горничная Нелли Блай. «А почему бы не Nelly Bly?» – предложила она. Мэдден согласился, но, записывая псевдоним Элизабет, сделал в нем орфографическую ошибку. Поэтому смелая журналистка осталась в истории как Nellie Bly.

Джордж Мэдден, дальновидный глава издания, нанял Нелли Блай не только из-за ее дерзости, но и потому, что она была молодой женщиной 20 лет. Ее задачей было про-

водить расследования на месте событий и, если потребуется, действовать под вымышленным именем. Кто бы мог заподозрить эту милостивую молодую женщину в желании выведать секреты, которые необходимо скрыть? Нелли Блай, в отличие от своих коллег-мужчин, обладала уникальным преимуществом – она могла оставаться незамеченной и проникать в среду, где проводила расследование, не привлекая лишнего внимания.

В первых же статьях она взялась за борьбу с эксплуатацией женщин на фабриках. Одно из ее наиболее заметных расследований было проведено на фабрике коробок для конфет в Питтсбурге: «Меня нередко удивляли рассказы работающих девушек о скудном заработке и жестоком обращении. Был лишь один способ доискаться до правды, и я решила к нему прибегнуть – самой стать Девушкой С Фабрики Картонных Коробок»⁷. На месте она собрала большое количество свидетельских показаний, которые записала в виде диалога:

«– Вы давно работаете на фабриках коробок?

– Одиннадцать лет, и не могу сказать, чтобы этого хоть когда-нибудь хватало на жизнь. В среднем я получаю пять долларов в неделю, три с половиной отдаю за жилье, а стирка мне обходится по меньшей мере в 75 центов. <...>

⁷ Цит. по: *Блай Н.* Профессия: репортерка. «Десять дней в сумасшедшем доме» и другие статьи основоположницы расследовательской журналистики / Пер. В. Бабицкая. Individuum, 2022.

– Сколько вам платят за коробки?

– Я получаю 50 центов за сотню фунтовых конфетных коробок и по 40 центов за сотню полуфунтовых»⁸.

Последовали и другие статьи: то о волочильной фабрике, то о металлургическом заводе, где рабочие трудились в ужасных условиях. Ее тексты поднимали шум, волновали читателей, увеличивали продажи, но верхушка Питтсбурга оказалась недовольна. Жалобы и угрозы сыпались на стол Мэддена: «Либо эти статьи прекращаются, либо мы начнем размещать нашу рекламу в другом месте!» Через год после того, как Блай присоединилась к *Pittsburgh Dispatch*, ее перевели в газетные рубрики для женщин: мода, театр, развлечения – все, что наводило на журналистку ужасную скуку. Это для нее было слишком: не порывая с газетой, она решила покинуть Питтсбург и в 1886 году отправилась в путешествие по Мексике в сопровождении матери. «Я была полна решимости стать иностранной корреспонденткой», – написала она в книге «Шесть месяцев в Мексике» (*Six mois au Mexique*). В 22 года она прежде всего хочет «сделать то, чего еще не делала ни одна девушка».

Шесть месяцев в Мексике

Две женщины путешествуют на поезде по стране, не при-

⁸ Цит. по: Блай Н. Профессия: репортерка.

бегая к чьей-либо помощи и самостоятельно неся свой багаж, что, разумеется, вызывает немалое удивление у попутчиков. «Я выдержала их взгляды и показала: американская девушка вполне способна справляться с обстоятельствами без мужской поддержки», – с гордостью говорит она. Испанский ей почти незнаком, а ее собеседники лишь с трудом изъясняются по-английски. Но языковой барьер с лихвой компенсирует ее острое чувство наблюдательности.

Изначально ее записи в блокноте носят этнографический характер. Она интересуется обычаями, традициями мексиканцев, всем тем, что может удивить американского зрителя, например употреблением наркотиков: «У солдат есть трава, называемая “марихуана”, которую они скручивают в маленькие сигары и курят. Она вызывает опьянение, которое длится пять дней, и все это время они находятся в раю». Однако экзотика в конечном итоге начинает ее утомлять, и она переходит к описанию политической системы Мексики, охваченной коррупцией и террором, который навязывает диктатор Порфирио Диас. Она понимает, что должна быть осторожной в письмах, которые отправляет в редакцию, если не хочет попасть в тюрьму, ведь ее статус иностранки точно не защитит ее. Тем не менее она не может удержаться от того, чтобы не упомянуть о чудовищном обращении с журналистами, критикующими мексиканского президента.

«Совсем невинно, – пишет она, – я однажды написала короткую статью о некоторых редакторах, которые не получали

финансирования от правительства и были брошены в тюрьму. Статья была перепечатана из одной газеты в другую и в конечном итоге попала в Мехико. Газеты, получавшие субсидии, угрожали меня выдать и написали на испанском: “Одного примера достаточно”, что означало, что, прочитав одну статью, чиновники могли догадаться о содержании других. Но я не испугалась и смогла убедить их, что меня защищают высокие чины. Они оставили меня в покое. В мексиканском законодательстве существует закон, известный как “статья 33”, который наказывает иностранцев, слишком свободно говорящих или пишущих о стране и ее жителях».

Тем не менее Нелли Блай перешла черту и больше не может быть уверена в своей безопасности. Разум победил: она решает вернуться в США, пока не стало слишком поздно.

Вернувшись в Питтсбург, журналистка публикует серию статей о диктатуре. Но как только эта тема себя исчерпывает, Джордж Мэдден вновь отводит ей место на «женской странице» – мода, искусство, садоводство и прочее в том же духе.

Спустя несколько месяцев она покидает Питтсбург и направляется в Нью-Йорк, одержимая одной целью: попасть в штат *New York World*⁹ – газеты Джозефа Пулитцера, которая резко выделяется на фоне других изданий. Здесь ведут масштабные репортерские расследования, добывают сенсации, разоблачают скандалы американского общества, не боятся вскрывать неудобные правды.

⁹ Сокращенное название – *The World*.

Под прикрытием в сумасшедшем доме

Четырех месяцев настойчивых попыток оказалось недостаточно, чтобы Нелли Блай добилась встречи с Пулитцером. Все старания были тщетны, а между тем она не имела доходов, ее сбережения таяли. И все же, в сентябре 1887 года ей приходит письмо от директора *New York World*: он согласен назначить встречу. Спустя несколько дней перед Пулитцером оказывается молодая женщина – восторженная, лихорадочно воодушевленная и поражающая своей смелостью.

Как и два года назад Мэдден, Пулитцер решает подвергнуть ее испытанию. Но на этот раз задание куда серьезнее: он наймет ее только при одном условии – если она проведет расследование условий содержания женщин в психиатрической больнице на острове Блэкуэлл (ныне – Рузвельт-Айленд, или остров Рузвельта), что у побережья Манхэттена, изолированном учреждении, где царит самая непроницаемая секретность. Она должна была притвориться сумасшедшей и остаться там на неделю. «Я верила в свой актерский дар и была уверена, что смогу притворяться безумной на протяжении всего пребывания»¹⁰, – напишет она позже в книге «Десять дней в сумасшедшем доме».

«Отправляйтесь, когда будете готовы», – рекомендовал ей

¹⁰ Здесь и далее, если не указано иное, цит. по: *Блай Н.* Профессия: репортерка.

Пулитцер. Он не ждал сенсации, пояснил он, лишь хотел «рассказа, основанного на правде». Затем, заметив лукавую улыбку на лице Нелли Блай, с легким раздражением добавил: «Осторожнее с этой вашей вечной улыбкой». «Обещаю, избавлюсь от нее», – пообещала молодая женщина. Оставался один важный вопрос: «Как вы собираетесь меня оттуда вытащить <...> после того, как я выполню задание?» Ответ Пулитцера был, мягко говоря, туманным: «Этого я не знаю <...>. Полагаю, нам будет достаточно раскрыть ваше настоящее имя и объяснить причины вашего заключения. Но для начала попробуйте туда попасть». Такое неопределенное завершение вовсе не смутило Нелли Блай, которая ради расследования взяла себе новое имя – Нелли Браун.

Всю ночь напролет Нелли Блай репетирует свою роль перед зеркалом. Она корчит гримасы, дергает себя за волосы, размахивает руками в беспорядке – изображает то, как, по ее представлениям, ведут себя безумцы. Но за всем этим скрывается тщательно продуманный план. Она снимет комнату в пансионе для работниц на Второй авеню. Там начнет говорить бессвязно, бесцельно бродить по дому, откажется ложиться в постель, будет кричать и нести бред – так, чтобы хозяйки сочли ее сумасшедшей. Они вызовут полицию, а те, в свою очередь, – врачей. Те без сомнений признают ее невменяемой и при помощи судьи направят Нелли Браун в психиатрическую больницу на острове Блэкуэлл. Все происходит именно так, как она задумала. Ее игра оказалась настоль-

ко успешной, что один из экспертов-психиатров посчитал ее случай «безнадежным».

Водитель машины скорой помощи, который отвез ее к парому, доставлявшему пациенток в приют, произнес печальные слова: «Вам никогда отсюда не выбраться». Едва переступив порог больницы, Нелли Блай решила отказаться от роли умалишенной. «Но что поразительно, – пишет она позже, – чем более спокойно и разумно я говорила и вела себя, тем больше врачи убеждались в моей невменяемости». Это становится одной из ключевых находок ее расследования: если ты не безумна, когда попадаешь на остров Блэкуэлл, – ты обязательно сойдешь с ума. Среди полутора тысяч заключенных женщин (при лимите в тысячу мест!) немало таких, кто оказался здесь лишь потому, что они бедны, одиноки или не говорят по-английски – недавние иммигрантки. Заботиться об этом множестве пациентов поручено всего шестнадцати врачам, которые не проявляют ни малейшего интереса к страданиям женщин. А медсестры чаще всего выделяются не участием, а равнодушием, а порой и жестокостью.

В своем расследовании Нелли Блай подробно описывает жестокое обращение с женщинами, заключенными в больнице. Они носят грязные, запачканные платья, питаются тухлым мясом и плесневелым хлебом, покрыты незаживающими ранами, за которыми никто не ухаживает. Пациенток заставляют сидеть без движения почти весь день, а во время

редких прогулок приковывают друг к другу. Особое внимание журналистка уделяет ужасающему уровню антисанитарии. Так, купание проводится раз в неделю – в ледяной воде, даже для больных и лихорадящих женщин. Причем эта мутная, грязная вода используется десятками пациенток подряд.

Так репортерка описала первое утро: «В коридоре шесть нас было 45 пациенток, а в ванной, куда нас направили, всего два жалких полотенца. Я видела, как сумасшедшие женщины с лицами, сплошь покрытыми страшной сыпью, вытираются полотенцем, а вслед за ними им пользуются женщины с чистой кожей. Я умыла лицо из крана над ванной, а в качестве полотенца использовала собственную нижнюю юбку». Она рассказывает и о постоянных унижениях со стороны медсестер: те бьют пациенток, плескают им в лицо ведра ледяной воды, заставляют часами сидеть в промокшей одежде, запирают в темных и грязных закутках, пичкают лекарствами, морят жаждой, а в качестве наказания запрещают прием посетителей.

Волна скандала

Наконец пришло освобождение – адвокат, отправленный Пулитцером: «Я пересекала пролив Манхэттена как свободная женщина после десяти дней, проведенных в сумасшедшем доме на острове Блэкуэлл». Спустя двое суток репортаж Нелли Блай «Внутри сумасшедшего дома» (Inside in

Madhouse) появился в New York World. Это вызвало огромный резонанс. Все газеты страны эхом вторили этой новости и вступали в дискуссию об условиях жизни женщин в подобных заведениях.

Политические власти получили прямой запрос, и в дело вступило правосудие. Немедленно началось расследование под руководством Вернона М. Дэвиса, помощника окружного прокурора Нью-Йорка, который, выслушав показания Блай, попросил ее отправиться с ним на остров Блэкуэлл с неожиданным визитом. Но руководство больницы предвидело встречу, как написала об этом журналистка: «Потом члены комиссии зашли на кухню. Она сияла чистотой, и две подозрительно открытые бочки соли красовались прямо у двери! Выставленный на обозрение хлеб был прекрасным, белым и ничем не походил на тот, который нас принуждали есть. Коридоры мы нашли в безупречном порядке. Кровати стали лучше, а ведра, в которых нам приходилось мыться в коридоре семь, сменились сверкающими новыми раковинами». Короче говоря, «заведение выглядело образцовым, и никто не нашел бы в нем изъяна». Больница даже позаботилась об освобождении или переводе большинства соседок «Нелли Браун» по палате.

Тем не менее расследование Нелли Блай не было напрасным, поскольку штат Нью-Йорк решил дополнительно выделять миллион долларов (около 23 миллионов евро в настоящее время) психиатрической больнице на острове Блэкуэлл.

Власти штата также инициировали всеохватную реформу благотворительных организаций, в частности выделив средства на лечение пациентов с психическими заболеваниями, усиление контроля за медсестрами и найм переводчиков для иностранок. Так, благодаря расследованию, проведенному под прикрытием, журналистка раскрыла громкий скандал, связанный с действиями общественных властей, а также подняла продажи *New York World* и внезапно приобрела блестящую репутацию.

Блай свергает «короля лоббизма»

Нелли Блай теперь известна как специалистка по журналистике с проникновением. Она расследует торговлю младенцами, выдавая себя за покупательницу, и покупает ребенка всего за десять долларов. Затем она устраивается на работу на упаковочную фабрику в Нижнем Ист-Сайде и обличает ее в эксплуатации работниц, которым платят жалкие гроши. «Нелли Блай рассказывает, что значит быть белой рабыней», – заявляли заголовки *New York World*. Она также борется с коррупцией, разоблачив одного из самых известных лоббистов – Эдварда Р. Фелпса, который занимался подкупом выборных должностных лиц штата Нью-Йорк, оказывая тем самым услугу своим клиентам.

Весной 1888 года Нелли Блай отправилась в Олбани, примерно в 250 километрах от Нью-Йорка, и представилась

Фелпсу женой производителя лекарств, обеспокоенного законопроектом, который мог повлечь за собой крупные финансовые потери. Фелпс, самоназванный «король лоббизма», способный протолкнуть или заблокировать любой закон, сразу предложил сделку: за тысячу долларов он обещал провалить законопроект, используя шестерых влиятельных чиновников, которые у него «на крючке», и даже назвал журналистке их имена. Однако для покрытия личных расходов Фелпс попросил еще 250 долларов. Сделка так и не состоялась. Вместо этого на первой странице газеты появилась большая статья под именем Блай, где она подробно рассказала о своем опыте. Вскоре разразился громкий скандал. Фелпс попытался выкрутиться, обвинив Нелли в том, что она – профессиональная «лгунья», умеющая выдавать себя за «самозваную сумасшедшую», женщина, которая не пишет новости, а лишь пачкает бумагу, выдумывая «романы» и «сенсации» ради привлечения доверчивой аудитории. Но на этот раз перед ним захлопнулась ловушка. В дело вмешалось правосудие, которое провело расследование и допросило журналистку. Хотя доказательств для обвинения Фелпса не хватало, «король лоббизма» потерял свое влияние. Все его сообщники отвернулись от него, и ему пришлось покинуть Олбани. Таким образом, Нелли Блай записала Фелпса в список своих побед.

Нелли Блай против Филеаса Фогга

Осенью 1889 года газета New York World открывала новое отделение. В честь этого события Джозеф Пулитцер искал эффектную рекламную акцию – такую, которая надолго приковала бы внимание читателей и прославила издание. Эпоха переживала транспортную революцию: железные дороги стремительно покрывали континенты, пароходы уверенно бороздили океаны, а экспедиции в дальние края вызвали бурный интерес публики. Просто отправить репортера на другой конец света было уже недостаточно. Нужно было нечто большее – подвиг, рекорд, то, что никто еще не осмеливался сделать. Так родилась идея. Роман Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней» (*Le Tour du monde en quatre-vingts jours*), переведенный на английский в 1873 году, имел огромный успех в США. А что, если превратить вымысел в реальность? Если отправить корреспондента в кругосветное путешествие, чтобы побить рекорд Филеаса Фогга? Современные транспортные средства давали на это шанс. А благодаря подводным телеграфным кабелям и электрическому телеграфу репортер мог бы делиться впечатлениями с каждого этапа пути, создавая захватывающий фельетон в реальном времени. Газета получила бы не только сенсацию, но и уникальный журналистский проект – и весь Нью-Йорк заговорил бы о New York World.

Слухи о предстоящем проекте быстро разлетелись по редакции и вскоре дошли до Нелли Блай. Она была уверена – эту миссию должна выполнить именно она. Нелли обратилась напрямую к Пулитцеру. Но тот сразу отверг ее кандидатуру: «Вы не сможете этого сделать. Вы – женщина. Вам нужен будет сопровождающий, а если даже поедете одна, вам придется тащить с собой столько багажа, что это только помешает. И потом, вы говорите лишь по-английски. Тут нечего обсуждать. С такой задачей справится только мужчина». Эти слова глубоко задели Блай. Она мгновенно парировала: «Хорошо. Пусть ваш человек отправляется. Я начну путешествие в тот же день – но для другой газеты. И прибуду на пять дней раньше». Пулитцер был ошеломлен ее дерзостью, но в конце концов уступил. Он понимал: если женщина совершит невозможное – весь мир заговорит не только о ней, но и о *New York World*. Так в путь отправилась Нелли Блай – одна, без сопровождения, без громоздкого багажа, но с твердым намерением обогнать Филеаса Фогга и доказать, на что способна женщина.

14 ноября 1889 года в 8:30 утра Нелли Блай поднялась на борт парохода «Августа Виктория» в порту Хобокена, штат Нью-Джерси. На ней было практичное дорожное платье, длинное пальто, перчатки и шляпка. В руке она держала крошечную кожаную сумку длиной всего 40 сантиметров – единственный багаж, с которым она собиралась обогнуть земной шар. Позже Нелли с юмором перечислит, что ей уда-

лось в нее поместить: шелковый корсет, халат, смену белья, тапочки, узкий пиджак, носовые платки, туалетные принадлежности, две шляпки, три вуали, чашку, бумагу, карандаши, чернильницу, нитки с иглой, два браслета, серьги и даже баночку крема – «чтобы защитить лицо от частой смены климата, с которой столкнется кожа». Пулитцер умел устраивать события. На причале собралась толпа журналистов. Они брали интервью, делали заметки, расспрашивали о планах. Нелли была спокойна. Она никогда раньше не путешествовала по морю, но страха не испытывала. Лишь на всякий случай оставила матери завещание. Четыре дня спустя газета Philadelphia Inquirer писала: «Поручив своей блестящей журналисточке столь же особую, сколь и опасную миссию, редакция New York World одним махом сделала для прекрасного пола столько, сколько никто не сделал бы и за десятилетие». Ее первое назначение – Саутгемптон, Англия. Там начинался отсчет большого приключения, которое должно было потрясти весь мир.

Когда Нелли Блай отправлялась в путь, она и не подозревала, что у нее появилась соперница – молодая женщина, решившая обогнать ее, двигаясь в противоположном направлении. Элизабет Бисланд, 28 лет, вела литературную рубрику в ежемесячном журнале Cosmopolitan. 13 ноября 1889 года, за день до отплытия Блай, редактор Cosmopolitan Джон Брисбен Уокер увидел в New York World сообщение о предстоящем кругосветном путешествии и тут же вызвал

Бисланд к себе: «Завтра вы отправляетесь в путешествие вокруг света. У вас есть меньше восьмидесяти дней». Элизабет попыталась возразить: «Но завтра ко мне приходят гости... и у меня совсем нет подходящей одежды...» Но Уокер был непреклонен. Он не оставил ей выбора – и она поняла, что он выбрал ее не из-за ее профессиональных качеств, а потому что она тоже женщина. Ему нужен был эффектный ход. В отличие от решительной и дерзкой Блай, Элизабет Бисланд была натурой утонченной. Ее интересовали искусство, поэзия, философия. Но, даже будучи застигнутой врасплох, она не растерялась: всего за пять часов собрала вещи и успела на поезд Центральной Нью-Йоркской железной дороги – он должен был доставить ее в Сан-Франциско, откуда начиналось ее кругосветное путешествие. Бисланд проявила смекалку: она взяла с собой почтовых голубей, чтобы передавать в редакцию вести с дороги.

По плану Нелли Блай должна была прибыть в Саутгемптон утром 21 ноября. Но у судьбы были свои поправки. Пароход «Августа Виктория» задержался более чем на 15 часов – и она опоздала на рейс в Индию. Следующий отправлялся только через двое суток. Для другого это была бы катастрофа. Для Блай – шанс. Она решила использовать время с пользой и отправилась во Францию, чтобы встретиться с человеком, без чьей книги ее путешествие, возможно, никогда бы не состоялось: с самим Жюлем Верном.

Хороший журналист умеет делать сенсацию из каждой

остановки – и Нелли это прекрасно понимала. Получив предварительное согласие по телеграфу, она направилась в Амьен, где 22 ноября на железнодорожной платформе ее встретили Жюль Верн и его супруга Онорина. Они проводили ее в дом с башней, где жил писатель. «Ясные глаза Жюля Верна светились интересом и добротой», – вспоминала позже Блай. Общаться им помогал французский журналист-переводчик. Верн относился к затее сдержанно – он был польщен, но оставался скептиком. Он на секунду задумался, потом добавил с легкой улыбкой: «В лучшем случае, – заявил он, – рекорд можно побить на сутки, – прежде чем добавить, – если вы завершите поездку за 79 дней, я буду аплодировать вам со всем жаром».

Визит к Жюлю Верну стал триумфом – не только для Нелли Блай, но и для газеты *New York World*. Пулитцер был в восторге. Высказывания великого фантаста мгновенно подхватила пресса – сначала французская, затем английская, а особенно – американская. Имя Нелли Блай теперь звучало на всех континентах. Становилось ясно: пари уже принесло победу, еще не завершившись. Газеты наперебой писали о смелой журналистке, которая бросила вызов Филеасу Фоггу – и времени. Почувствовав волну, *New York World* объявила сенсационный конкурс. Тот, кто сумеет наиболее точно угадать день и час возвращения Нелли Блай, получит роскошный приз – путешествие по Европе в салоне первого класса с проживанием в лучших отелях Парижа и Рима. Это была

блестящая идея. В редакцию стекались сотни тысяч писем. За судьбой Блай следила вся страна, затаив дыхание. Каждая ее телеграмма, каждый пересеченный порт, каждый день в пути – все это становилось событием.

Репортаж из далекой страны

Путешествие набирало обороты. 27 ноября Нелли Блай пересекла Суэцкий канал. 3 декабря она прибыла в Аден, 10-го – на Цейлон, 16-го – в Малайзию, 18-го – в Сингапур. 25 декабря Блай оказалась в Гонконге, а уже 28-го отправилась в Японию. Ее путь лежал через моря и континенты, по железным дорогам и оживленным улицам городов Востока. Она плыла на пароходах, ехала в поездах, передвигалась в колясках и тук-туках. Останавливалась в лучших отелях, пользовалась услугами местных гидов, которые помогали ей преодолевать языковые барьеры. Каждая ее телеграмма, каждый фельетон, отправленный в редакцию, вызывал волну откликов. Она писала от первого лица – живо, дерзко, эмоционально. Позже ее путевые заметки войдут в книгу «Вокруг света за 72 дня» (*Le Tour du monde en 72 jours*) – увлекательную, местами шокирующую и неизменно трогательную читателя. Она культивировала экзотику и сенсацию, не избегая острых тем. Так, в китайском Кантоне Нелли настояла на том, чтобы увидеть площадь, где казнили преступников и повстанцев. Сцена, которую она описала, не для сла-

бонервных. «Мужчин обезглавливают одним ударом, если только они не совершили совсем ужасное преступление, – объяснил мой гид. – А женщин казнят на глазах у толпы – чтобы произвести впечатление. Их распинают, душат или режут на куски. Палач так искусен, что потрошит их еще до того, как они умирают. Вы хотите увидеть головы?» Нелли ответила без колебаний: «Конечно. Принесите их!» По ее описанию, мужчина с глиняной посудой подошел к деревянным крестам и, не говоря ни слова, опустил руку в бочку. Через мгновение он вытащил оттуда человеческую голову.

Напрасными оказались ожидания тех читателей, кто рассчитывал, что женщина-репортер проявит «женственные» черты – чувствительность, деликатность, сочувствие. Ее стиль был прямолинейным, резким и порой не лишенным предубеждений. Так, нищие в Азии, по ее словам, казались ей «настолько отталкивающими, что вызывали не сочувствие, а отвращение». Она сравнивала сомалийцев с королями, китайцев – с «муравьями на кусочке сахара», а ноги шриланкийцев – с «копченой сельдью». В ее поведении порой ощущалась беззаботность: например, в Сингапуре она приобрела обезьяну и привела ее на борт корабля. Моряки были в ярости – по суеверным представлениям животное сулило беду. После того как обезьяна укусила члена экипажа, ее высадили на берег, а сама репортерка быстро о ней забыла.

Удалось ли Нелли Блай и Элизабет Бисланд завершить кругосветное путешествие менее чем за 80 дней? Чтобы уве-

личить шансы, их покровители – Джозеф Пулитцер и Джон Брисбен Уокер – время от времени подталкивали судьбу. Несмотря на публичные заявления о полной самостоятельности, обеих журналисток в особо опасных местах сопровождали мужчины. Начальство также организовывало специальные поезда и конвои, чтобы ускорить путешествие. Так, Уокер добился, чтобы одно из судов доставило Бисланд из Йокогамы в Гонконг, а судоходные компании нередко подкупались, чтобы задержать отплытие кораблей и дать нужной репортерке шанс успеть.

Международная известность

Как бы то ни было, 21 января 1891 года пароход «Океания» с Нелли Блай на борту пришвартовался в Сан-Франциско. До Нью-Йорка оставался еще один рывок, но на пути ее поезд застрял в снегах. Тогда Джозеф Пулитцер вмешался: он организовал доставку журналистки в Чикаго, откуда она смогла пересесть на регулярный поезд до Нью-Йорка. Элизабет Бисланд отстала на последнем участке маршрута и прибыла лишь через четыре дня после Блай, которая совершила кругосветное путешествие за 72 дня, 6 часов, 11 минут и 14 секунд – побив тем самым рекорд Филеаса Фогга. Именно этот результат почти точно предсказал некий Ф. У. Стивенс: его вариант на конкурсе газеты New York World оказался наиболее близким из 927 433 присланных ответов.

Поздравим счастливица с выигрышем – роскошным путешествием!

Встреча на вокзале превратилась в настоящий триумф. Толпа подбрасывала шляпы, размахивала платками, а духовой оркестр оглашал перрон бодрыми маршами. Десятки журналистов явились заснять это событие и получить комментарий у героини дня. Впереди ее ждали торжественные приемы и чествования. Нелли Блай не замедлила сообщить о своем успехе Жюлю Верну, отправив ему телеграмму. Писатель ответил мгновенно: «[Я] никогда не сомневался в успехе Нелли Блай. Ее бесстрашие позволило предвидеть этот триумф. Ура ей и главному редактору World! Ура! Ура!!» Разумеется, 26 января газета The World выпустила специальный номер, целиком посвященный подвигу Блай: 24 колонки текста, украшенные десятками виньеток, с броскими заголовками и подзаголовками. Особой находкой стала настольная игра-ходилка из 72 клеток – по числу дней кругосветного путешествия. А на первой полосе красовалась гравюра в четыре столбца: Нелли Блай приветствовали ее ошеломленные предшественники – от Себастьяна дель Кано, потратившего в XVI веке 33 года на кругосветное путешествие, до Кука, Белчера и, конечно же, Филеаса Фогга.

Мировая пресса рукоплескала этому подвигу – но не единодушно. Во Франции, например, раздавались критические голоса. 18 февраля 1890 года газета *Soir* язвительно заметила, что рекорд Блай обязан в первую очередь «применению

пара <...>, а не физическим или интеллектуальным качествам молодой – и несомненно хорошенькой – путешественницы». Автор колонки не удержался от насмешки: «Мисс Нелли Блай мчалась так стремительно, что едва успевала запомнить названия городов. Под “Болоньей” она, кажется, подразумевала пляж, на который высадилась во Франции. Зато спальные вагоны описаны ею с исчерпывающей точностью». Возникает вопрос: позволил бы себе *Soir* подобный тон, если бы речь шла о мужчине? История рассудила иначе. Нелли Блай обрела мировую славу, тогда как ее соперница Элизабет Бисланд, хоть и обогнавшая Филеаса Фогга (ее результат – 76 дней), вскоре вернулась к тихой жизни и литературной работе.

Дни после славы

В 26 лет Нелли Блай достигла пика славы. Она колесила по стране с лекциями, принимая восторженные овации как современная героиня. Но слава оказалась тяжким бременем. Не готовая к возвращению к обычной жизни, она постепенно скатывалась в пропасть: алкоголь и наркотики стали ее спасением. И все же даже в этот трудный период ее журналистский талант не угас. В июне 1894 года она освещала один из самых громких социальных конфликтов того времени – забастовку рабочих компании «Пуллмен» (Pullman) в Чикаго. Компания Pullman считалась образцом промышленного па-

тернализма. Ее рабочий поселок, где жили 3000 сотрудников с семьями, пресса восхваляла за кажущееся совершенство. На деле же это была система тотального контроля: рабочие платили высокую аренду и были вынуждены покупать товары только в магазинах, принадлежавших их работодателю. Экономический кризис 1893 года стал последней каплей: компания снизила зарплаты... но не снизила арендную плату. Гнев рабочих выплеснулся наружу – забастовка парализовала железнодорожное сообщение по всей стране, переросла в массовые беспорядки и была жестоко подавлена армией. Именно в этот накаленный момент газета The World отправляет на место событий Нелли Блай.

«Я полагала, что жителям образцового городка Пуллмен нечего жаловаться», – признавалась Нелли Блай. Однако, проведя в этом городе всего полдня, она изменила свое мнение: «Я стала самой яркой противницей Пуллмена». Журналистка опросила рабочих и работниц о трудовых условиях и, в частности, узнала, что в местных прачечных трудились девочки всего десяти лет. «Я говорила с женщиной, работавшей в прачечной, – писала Блай. – Рядом с ней трудилась ее 14-летняя дочь, выполнявшая ту же работу. Но если мать получала 90 центов за ночь, то дочь – лишь 80. Они работали с шести вечера до девяти утра. Им постоянно обещали компенсацию за усталость, но так ничего и не выплатили». Публикации Нелли Блай, разоблачающие несправедливость и продолжающийся трудовой конфликт, способствова-

ли разрушению «мифа Пуллмена».

В следующем году, 1895-м, новость произвела сенсацию: Нелли Блай объявила о своем браке с Робертом Симаном – промышленником, разбогатевшим на производстве металлических изделий, включая бидоны для молока и кухонную утварь. Он был старше ее на сорок два года, и такая разница в возрасте вызвала немало вопросов. Правда ли все это? Или, может быть, она снова проводит журналистское расследование?

Постепенно Нелли Блай отходит от журналистики. Она много путешествует, живет в роскоши, появляется в самых престижных салонах и все активнее вовлекается в дела компании своего мужа. После его смерти в 1904 году она сама возглавляет «Айрон Клад Мануфакчурин Компани» (Iron Clad Manufacturing Company) и заказывает визитную карточку с надписью: «Собственность Нелли Блай, единственной женщины в мире, лично управляющей предприятием такого масштаба». При поддержке инженера она разрабатывает новые изделия и патентует их – например, штабелируемые мусорные баки и крупнотоннажные бочки для хранения нефти. Компания, в которой трудятся полторы тысячи человек, процветает. Нелли делится успехом с рабочими: вводит дневную оплату труда вместо сдельной, организует библиотеки и досуговые центры. Полная энергии, Нелли колесит по стране в поисках новых клиентов, поручив повседневное управление фабрикой директору. Но это решение оборачивается бе-

дой: директор присваивает средства и приводит предприятие к разорению. Нелли подает на него в суд, но предотвратить банкротство не удается. В 1911 году она принимает решение вернуться к журналистике – «самой благородной из профессий, где люди честны и преданны своему делу», – говорит она коллегам. Газеты помнят ее имя, и она вновь берет в руки перо.

Нелли Блай использует свою известность и для борьбы за права женщин – особенно за избирательное право, которому посвящает множество статей. 3 марта 1913 года, верхом на лошади, она возглавляет Парад за избирательные права женщин (Women Suffrage Parade) в Вашингтоне, собравший пять тысяч участниц. В своей статье она цитирует собственные слова: «Суфражистки превосходят мужчин».

Хотя кредиторы не дают ей покоя, Нелли не отказывается от попыток возродить свое предприятие. В 1914 году, с началом Первой мировой войны, она оказывается в Австрии – ищет инвесторов и надеется расплатиться с долгами. Но судьба вновь делает резкий поворот: Нелли решает остаться и начинает отправлять в американские газеты корреспонденции с места событий.

На этом мы ненадолго с ней прощаемся – чтобы вскоре вновь встретиться в окопной грязи.

2

Пионерки журналистских расследований

Была ли Нелли Блай уникальным явлением в США в свое время? Нет, ведь на рубеже веков и другие американки уже выделялись в разных жанрах большого репортажа.

Например, Мэри Э. Харт прославилась в жанре приключенческого репортажа, исследуя далекие земли, особенно для читательниц *Women's Journal*. В 1902 году она провела несколько месяцев среди пионеров Клондайка в канадском Юконе и приобрела известность на Аляске. Во время своего пребывания она собрала множество свидетельств и впечатлений, а также встретила королеву Мэри из Синрока – знаменитую личность среди северных племен Аляски. Смело добившись у нее интервью и фотографии в обмен на несколько безделушек и украшений, Мэри Харт получила высшую честь: королева разрешила ей около десяти дней оставаться рядом с собой и ее двенадцатью детьми, разделяя с ними трапезы, которые, как отмечала сама Харт, «в основном состояли из оленины».

Однако именно форме глубокого расследования – журналистики расследования, требующей продолжительной и кропотливой работы, – женщины больше всего способствова-

ли развитию на заре XX века. В этом жанре сбор информации прежде всего направлен на то, чтобы выявить сокрытое от читателя-гражданина – обнажить правду, вызвать ее всплеск, порой рискуя скандалом. Две американки поколения Нелли Блай, родившиеся с разницей в несколько лет, – Ида Минерва Тарбелл (1857) и Ида Белл Уэллс (1864) – ярко иллюстрируют этот подход. Темы их расследований были совершенно разными, однако обе черпали силы и смелость в лично пережитых ими несправедливостях – семейное разорение для первой и расовая дискриминация для второй, – чтобы преодолеть все преграды на своем пути.

Уэллс и Тарбелл, по термину, придуманному Теодором Рузвельтом в 1906 году, были «muckrakers» – что можно вежливо перевести на французский как «любопытательные журналисты», а если передать истинный смысл, то «копатели в грязи» (от англ. «muck» – «грязь», «навоз», «дерьмо» и «to rake» – «грабить», «перерывать»). Этот тип журналистики, связанный с прогрессивным движением в США, облачал всевозможные злоупотребления в американском обществе: дикий капитализм, коррупцию политиков, скандалы, связанные с бедностью, а также страдания чернокожих и иммигрантов. Главные журналисты-«копатели» – это люди, которые месяцами ведут непрерывные расследования с поразительным упорством, пока собранные доказательства, подкрепленные источниками и проверенные, не проливают свет на правду, как это ярко показано на примере Уэллс и

Ида Уэллс – предшественница Розы Паркс

Вступление Иды Уэллс в журналистику в 1884 году прозвучало как крик протеста молодой женщины, которая отказывалась считаться вечной рабыней лишь из-за цвета своей кожи. Она сама родилась рабыней в Холли-Спрингс (Миссисипи) 16 июля 1862 года – за шесть месяцев до того, как Линкольн объявил об отмене рабства, и за три с половиной года до того, как отмена была закреплена Тринадцатой поправкой к Конституции. Ее отец, Джеймс Уэллс, был сыном белого землевладельца – строителя, который устроил его учеником, чтобы тот освоил ремесло плотника и каменщика. Джеймс всегда верил, что только образование может дать черным настоящую свободу. Именно поэтому он был строжайшим в вопросах учебы своих восьми детей, включая четырех дочерей. «Наша работа, – рассказывала Ида Уэллс, – заключалась в том, чтобы ходить в школу и учиться всему, чему могли». Сам Джеймс Уэллс входил в совет директоров Раст Колледжа (Rust College) – учебного заведения для освобожденных рабов, где учились его дети. Судьба Иды была predetermined: она должна была стать учительницей.

В 1878 году ее родители и один из братьев погибли от желтой лихорадки. Теперь, став главой семьи, она нашла работу в сельской школе, а затем, когда братья были устроены

на учебу и работу, отправилась вместе с сестрами к тете в Мемфис. Там она собиралась сдать экзамен, дающий право преподавать в государственных школах города. Экзамен она успешно сдала, но, пока ждала его результатов, устроилась работать в Вудстоке.

4 мая 1884 года взгляд Иды Уэллс на жизнь резко изменился. Она села в поезд, следующий из Мемфиса в Вудсток, имея билет первого класса, предназначенный для женщин. Внезапно кондуктор появился и потребовал, чтобы она покинула вагон, уступив место белой женщине, и пересела в второй класс – вагон для курящих, но главным образом для чернокожих пассажиров. Она возразила, спор накалился, и в конце концов она укусила кондуктора за руку, когда тот пытался ее выселить. В дело вмешалась полиция и выгнала Иду из поезда. Уэллс подала в суд на железнодорожную компанию, опираясь на Закон о гражданских правах 1875 года. Она выиграла дело, но Верховный суд Теннесси отменил это решение.

Однако для нашей истории важен вовсе не сам инцидент, а то, что последовало дальше. Ида Уэллс написала свое первое резкое и гневное письмо – статью о своей неприятной ситуации, которая была опубликована в *The Living Way*, приходской газете афроамериканского сообщества. Статья вызвала широкий резонанс, и с тех пор Ида начала вести еженедельную колонку под псевдонимом Иола. Быстрая слава позволила ей получить работу в мемфисской ежедневной газете

Evening Star. В 1889 году, продолжая преподавать, она становится соредактором небольшого антисегрегационного издания – Free Speech and Headlight. Два года спустя после публикации статьи, в которой она обличает неравное финансирование черных и белых школ, Ида была изгнана из школьной системы Мемфиса. С этого момента ее путь стал предельно ясным: она станет профессиональным журналистом и борцом с расовой дискриминацией.

Расследование линчевания

Теперь расскажем о событии 1892 года, которое перевернуло жизнь Иды Уэллс и привело ее к большому расследовательскому репортажу. Один из ее друзей, Томас Мосс, открыл бакалейную лавку для чернокожего сообщества в районе Кёрв в Мемфисе. Его бизнес стал настолько успешным, что начал тягаться с более старой бакалейной лавкой по соседству, которой владел белый мужчина по имени Уильям Барретт. Барретт не мог смириться с конкуренцией. После оскорблений последовали запугивания и угрозы. Мосс, безуспешно пытавшийся заручиться защитой полиции, решил вооружиться и самостоятельно защищать свой магазин при поддержке двух друзей.

Однажды вечером произошла роковая конфронтация. Барретт вместе с шерифом, его людьми и несколькими городскими чиновниками организовали группу, которая оса-

дила бакалейную лавку Мосса. В темноте он и его друзья не могли разглядеть нападавших, но слышали их крики ненависти. Перепуганные, они открыли огонь в их сторону: в результате был убит заместитель шерифа, а несколько чиновников ранены. Осознав свою ошибку, они сдались и были немедленно отправлены в тюрьму в ожидании суда. Но события приняли трагический оборот. Слухи об их аресте быстро распространились, и атмосфера в районе стала накаленной. Ночью собралась толпа белых мужчин, готовых «осуществить правосудие» своими руками. Они ворвались в полицейский участок, вытащили Мосса и его друзей из камеры, вывели на железнодорожные пути и зверски забили до смерти. На следующий день пресса ничего не сообщила об этом расистском линчевании, ограничившись обвинениями жертв в «варварстве вооруженных негров».

В тот день Иды Уэллс не было в Мемфисе. Вернувшись и узнав о случившемся, она написала открытое письмо, в котором призвала чернокожих покинуть город, где власти никогда не защитят их, где слово чернокожего никогда не будет равнозначно слову белого и где всегда закрывают глаза, когда белые хладнокровно убивают чернокожих. Затем она решила провести масштабное расследование случаев линчевания на юге страны. Оно длилось три месяца. Как только она узнавала о новом случае насилия, она отправлялась на место, опрашивала свидетелей, тщательно восстанавливала ход событий. В поисках правды Ида шла на огромный риск

для своей жизни, но это ее не останавливало. В мае 1892 года она поехала в Тунику, деревню в Миссисипи, где линчевали чернокожего, обвиненного в изнасиловании дочери белого фермера. Вернувшись, она опубликовала статью, в которой доказала, что молодая женщина была согласна на сексуальные отношения и что ее отец об этом знал. Это не единичный случай, объясняла Ида: обвинения чернокожих в изнасиловании – систематический прием для сокрытия добровольных сексуальных отношений и подогрева ненависти вплоть до преступления.

Ида Уэллс прекрасно понимала, какую волну гнева вызовет ее статья. Поэтому, проявляя осторожность, она не подписала ее своим именем. Однако спустя несколько дней, когда она находилась в поездке на Восточном побережье, здание редакции ее газеты было атаковано разъяренной толпой, разгромлено и подожжено. После этого Ида уже не могла вернуться в Мемфис и в итоге продолжила свою журналистскую деятельность в Нью-Йорке, присоединившись к газете *New York Age*, которую возглавлял радикальный активист за права чернокожих Тимоти Томас Форчун. Здесь она смогла продолжить борьбу с расовой сегрегацией и углубить свои расследования случаев линчевания.

Журналистика как миссия

В начале 1893 года Ида Уэллс отправилась в Чикаго, где 1

мая должна была открыться Всемирная выставка, прославляющая промышленные, технологические и интеллектуальные достижения Соединенных Штатов. Однако для Уэллс стало неприятным открытием то, что чернокожие практически не были представлены на этом мероприятии. При поддержке Фредерика Дугласа – бывшего раба и известного борца за отмену рабства – она выпустила небольшой четырехстраничный буклет, находящийся на стыке памфлета и репортажа, под названием «Причина, по которой чернокожие американцы отсутствуют на Всемирной Колумбийской выставке» (*The Reason Why the Colored American is not in the World's Columbian Exposition*). Этот буклет был предназначен для 27 миллионов посетителей со всего мира. В нем читатели могли узнать правду, подкрепленную цифрами и фотографиями, о положении чернокожих, которое характеризовалось дискриминацией, сегрегацией, бедностью и линчеванием. Поскольку официальной статистики по линчеваниям не существовало, Уэллс опиралась на «белые» источники, в том числе на уважаемую газету *Chicago Tribune*. Два года спустя, в 1895-м, Ида Уэллс публикует еще одну небольшую книгу – «Красный архив» (*The Red Record*). В ней она продолжила свое расследование и показала, что насилие в отношении чернокожих отражает страх бывших рабовладельцев перед социальным восхождением освобожденных рабов.

Хотя ее расследования, широко обсуждаемые в американ-

ской прессе, принесли Иде Уэллс известность, они также вызвали резкую критику, в том числе со стороны северных газет, таких как The New York Times, которые обвиняли ее в распространении клеветы. В Великобритании же ее приняли гораздо более благосклонно: там она провела два турне с лекциями. Общественный резонанс был настолько силен, что британские текстильные промышленники были вынуждены оказать давление на американских производителей хлопка, чтобы те положили конец практике линчевания.

В итоге после окончания Всемирной выставки Ида Уэллс обосновалась в Чикаго и присоединилась к старейшей афроамериканской газете города – Chicago Conservator, которую возглавлял адвокат Фердинанд Ли Барнетт. В 1895 году она вышла за него замуж, и у них родились трое детей. В дальнейшем вся ее жизнь была посвящена борьбе за равноправие афроамериканцев и женщин.

Ида Уэллс воспринимала журналистику не просто как профессию, а как миссию. В 1892 году в своей брошюре «Ужасы Юга» (Southern Horrors), посвященной теме линчевания, она писала, что не испытывает никакого удовольствия, «погружая руки в преступную грязь», но при этом подчеркивала: «Кто-то должен показать, что афроамериканская раса скорее жертва, чем виновница, и, похоже, именно мне это и предстоит сделать».

«Способ исправить несправедливость – это пролить на нее свет правды», – писала она. В некотором смысле Ида

Уэллс изобрела форму журналистики расследования, служащей интересам чернокожего меньшинства, за что спустя 89 лет после смерти была удостоена Пулитцеровской премии «за выдающиеся и мужественные репортажи о жестоком и порочном насилии над афроамериканцами в эпоху линчевания». На долгое время после ее смерти в 1931 году Ида Уэллс стала иконой борьбы афроамериканцев, и в 2022 году компания «Барби» (Barbie) посвятила ей фигурку в коллекции «Вдохновляющие женщины» (Inspiring Women) – «героини, которые вдохновляют нас мечтать о большем».

Ида Тарбелл: вкус к расследованию

Ида Минерва Тарбелл – еще одна ключевая фигура в истории большого журналистского расследования. Она навсегда останется той, кто благодаря своему расследованию, опубликованному в девятнадцати статьях с ноября 1902 по октябрь 1904 года в журнале McClure's Magazine, сумела пошатнуть позиции одного из самых могущественных людей в Соединенных Штатах – Джона Д. Рокфеллера.

Когда вышло ее расследование, Иде Тарбелл было 45 лет, и за плечами у нее уже была долгая карьера в журналистике. В 1883 году она получила работу в небольшом образовательном журнале Chautauquan в Мидвилле, штат Пенсильвания. Его директор, Томас Флад, как раз искал помощника и предложил место Иде Тарбелл, которая без колебаний

согласилась. На тот момент она тяготилась своей преподавательской работой и, увлекаясь наукой, мечтала о карьере биолога. Новая должность позволила ей оставить класс и проводить больше времени за микроскопами. В Chautauquan она неожиданно для себя открыла страсть к писательству: ее статьи становились все более глубокими и обстоятельными, она начала интересоваться социальными темами – неравенством, несправедливостью, ролью женщин в истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.